

ПРОЕКТ

«ПУТИН»

**ОЛЕГ
МОРОЗ**

**ПОЧЕМУ
«ПОСТАВИЛИ»
ИМЕННО
ПУТИНА**

Олег Павлович Мороз
Почему «поставили»
именно Путина
Серия «Проект «Путин»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18146001

*Почему «поставили» именно Путина: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0514-6*

Аннотация

Олег Павлович Мороз – российский писатель-документалист, публицист. Он автор около двух десятков книг, опубликовал десятки статей и очерков в периодической печати, выступает на радио и телевидении. Его книги написаны в документально-летописном ключе и посвящены важнейшим политическим событиям нашей эпохи. В издании, представленном вашему вниманию, рассказывается о последних годах пребывания Ельцина у власти. Главная политическая интрига этого периода – почему дряхлеющий первый президент России выбрал своим преемником Владимира Путина, почти неизвестного тогда народу? Известно, что кандидатами на президентский пост были такие политические «тяжеловесы» как Е. Примаков и Ю. Лужков; свои соображения на этот счет имели и олигархи, – тем не менее, Путин обошел всех своих соперников и все-

таким стал президентом. Автор собрал огромное количество свидетельств и документальных материалов, показывающих, как и с чьей помощью это произошло.

Содержание

Предисловие	6
Немцов, Лебедь. Фавориты, лишившиеся фавора	13
То ли в шутку, то ли всерьез...	13
Ахиллесова пята генерала	15
Замысел Бориса Березовского	22
Беседа в Кремле	25
Генерал сходит с дистанции	29
Черномырдин. Дума против...	31
Во второй раз в ту же воду	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Олег Мороз

Почему «поставили» именно Путина

© Мороз О. П., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

Предисловие

Даже после того, как Путин стал президентом, у всех и у нас, и за рубежом, в голове и на языке долго еще вертелось: кто же он такой, этот Путин? (Вспомним знаменитый вопрос одного из иностранных корреспондентов, позже он не раз повторялся: «Кто вы, мистер Путин?»)

Надо сказать, что всерьез о преемнике Ельцин стал задумываться сразу же после выборов 1996 года. Эти выборы дались ему, мало сказать, нелегко: в течение предшествовавшего им года он чуть не отдал Богу душу, перенес пять (!) инфарктов. Пятый за неделю до второго тура, 26 июня (второй тур голосования 3 июля). Тут волей-неволей по-настоящему задумаешься о престолонаследнике.

В ноябре того года Ельцину сделали операцию на сердце. Состояние его вроде бы улучшилось. Однако прежней работоспособности он так и не обрел.

По мере приближения следующего выборного цикла разговоры о преемнике становились все более внятными и определенными...

Дефолт, случившийся в августе 1998 года, стал для Ельцина тяжелым ударом, каким, возможно, не был ни август 1991-го, ни октябрь 1993-го. И дело тут не в силе самих ударов: тогда, в моменты предшествующих кризисов, Ельцин был моложе, сильнее физически и психологически, легче пе-

реносил потрясения, которые обрушивала на него судьба...

Бывшие помощники президента пишут в книге «Эпоха Ельцина»:

«Финансовый кризис (1998 года – *О. М.*) пришелся почти на середину второго президентского срока Ельцина и надломил его. В оставшийся срок уже даже не пытались искать какие-либо другие стратегические варианты продолжения реформ. Президент практически перестал интересоваться экономикой. Финансовый пожар лета 1998 года будто выжег какой-то участок его мозга...

...Весь оставшийся срок президент посвятил поиску преемника **ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ И КУРСА** (выделено мной. – *О. М.*)».

Таким образом, задача нахождения преемника, способного продолжить ельцинский курс, распадалась на две: предстояло отыскать человека, который, во-первых, был бы сам искренне, твердо привержен демократии и рынку, готов был «костью лечь» за утверждение этих ценностей, и, во-вторых, был бы достаточно сильным политиком, государственным деятелем, чтобы установить демократический рыночный порядок в стране, все еще охваченной послереволюционным хаосом (имея в виду Великую либерально-демократическую революцию конца 80-х начала 90-х годов) и обеспечить дальнейшее продвижение по пути, намеченному Ельциным.

Как ни странно, на Западе, в частности в США, многие, оценивая различных кандидатов в российские президенты, в те годы весьма благосклонно смотрели на Лебеда. В начале декабря 1998-го я разговаривал на эту тему с известным политологом, в то время советником президента Ельцина Эмилем Паиным (он только что вернулся из почти месячной поездки в Штаты). Спросил его, как оценивают американцы шансы российских политических лидеров в борьбе за президентский пост и кто им представляется наиболее желательным на этом посту.

Я, разумеется, не проводил социологических опросов, сказал Паин, но, по моим подсчетам, на первом месте по благожелательности оценок среди потенциальных кандидатов в российские президенты идет Лебедь.

Это было действительно неожиданно. Вроде бы трудно было представить фигуру, менее отвечающую американским представлениям о том, каким должен быть президент демократической страны. Чем объяснялось такое странное предпочтение?

Я задавал этот вопрос многим моим американским коллегам, продолжал Паин. Их ответ: за Лебедем ничего нет, он не успел себя проявить в каких-то антиамериканских действиях или иных поступках, которые можно было бы расце-

нивать как опасные. Далее, есть представление, что он обучаем. И третье: никто из российских деятелей, приезжающих в Америку, не говорит так много того, что американцы хотели бы услышать. Правда, они согласны, что по уровню непредсказуемости Лебедь, конечно, тоже опережает всех. Но, повторяю, с американской колокольни он видится самым малоопасным.

Стало быть, вот он главный критерий: «опасный для Америки» – «не опасный для Америки».

* * *

Ну, а кто следует за Лебедем? На этот мой вопрос Эмиль Паин привел такой список американских предпочтений.

Более или менее приемлемым, с различными оговорками и опасениями, считается Лужков. На третьем месте, с еще большими оговорками, Примаков. И, наконец, замыкает четверку лидеров Зюганов. Это, по мнению американцев, реальные кандидаты в президенты. Что касается деятелей либерального толка, большинство аналитиков склоняется к тому, что их шансы на президентство крайне малы. В принципе, скажем, избрание Кириенко было бы встречено в США куда более благожелательно, нежели всех четверых, которых я упомянул выше, вместе взятых, но американские специалисты по России не считают, что у него есть какая-то надежда стать президентом.

Еще бы! Кто бы за него стал голосовать после августовского дефолта!

Как видим, в конце 1998-го политологи в США даже не догадывались, кто в действительности станет главой российского государства. Впрочем, об этом вообще вряд ли кто в ту пору догадывался.

Что касается Лужкова, продолжал Паин, то он (я был даже несколько удивлен этим) рассматривается как достаточно приемлемый кандидат. Все уверены, что уж от рыночной-то экономики он не отступит. Считается также: представление о том, что структуры, которые связаны с Лужковым, подомнут под себя все остальные, бесспорно, преувеличено и безосновательно. Преобладающее мнение: московский мэр и московские экономические структуры лучше других и раньше других связали себя с международными экономическими кругами, накопили огромный опыт во взаимоотношениях с ними. Пока что в процессе разразившегося кризиса (того самого августовского дефолта 1998 года. — *О. М.*) меньше всего неприятностей иностранцам принесли как раз их связи с Москвой. Так что Лужкова американцы тоже не опасаются. Больше их пугает окружение московского мэра. Кто с ним придет? В какой мере эти люди приемлемы для западных партнеров возможного российского президента? Еще одно опасение, которое нередко можно слышать в США: Лужков, безусловно, ограничит свободу прессы. Но где аргументы? Руководители столичных газет, под-

контрольного Лужкову ТВ-Центра вроде бы не жалуются, что испытывают какое-то давление со стороны московского градоначальника. Некоторые объясняют это тем, что Лужков никогда не был партийным боссом...

* * *

А чем объяснить такое неважное отношение американцев к Примакову? Из-за его прошлой мидовской деятельности?

Разумеется, подтвердил мое предположение Паин. Примаков был первым, кто после отставки Козырева стал говорить Западу «нет», гладить его против шерсти. Впрочем, американцы полагают маловероятной возможность Примакова в одиночку, без поддержки какой-то политической структуры, пробиться в президенты.

В дальнейшем, как мы знаем, Примаков, словно бы услышав это мнение, возглавил-таки политическую структуру.

Еще одно недоумение: почему американцы не учитывают, что Примаков стоит во главе правительства? По тогдашним, да и по теперешним российским обычаям именно премьер – главный кандидат в президенты.

Дело в том, полагал Паин, что ведущие, формирующие американскую политику эксперты оценивают деятельность правительства Примакова крайне негативно.

С их точки зрения, у этого правительства высокий уровень непредсказуемости действий, оно не дает никаких

надежд на позитивное экономическое развитие страны. Да и вообще, они считают, что правительство Примакова временное.

А что американцы думают о выборных шансах Зюганова?

Здесь они, по словам Паина, не говорят ничего такого, чего бы не говорили мы сами. Да, у Зюганова устойчивый электорат, которого, однако, вряд ли хватит, чтобы сделать коммунистического вождя президентом.

Как-то выпал из поля зрения американских аналитиков Виктор Черномырдин... Впрочем, в тамошней политической практике редко бывает, чтобы человек, слетевший однажды с высокого государственного поста, снова поднимался на пост такого же или даже более высокого уровня...

Никому, конечно, тогда, в 1998 году, и в голову не могло прийти, что президентом России станет малоизвестный петербуржец Владимир Путин, – тем не менее, через два года это произошло. Почему именно Путин, как ему удалось обойти своих политических конкурентов-«тяжеловесов», кто способствовал его избранию, – об этом и пойдет речь в книге.

Немцов, Лебедь. Фавориты, лишившиеся фавора

То ли в шутку, то ли всерьез...

О том, что он уже выбрал преемника, Ельцин заявлял не раз. Кажется, первым кандидатом на эту роль, имя которого он то ли в шутку, то ли всерьез произнес вслух, был Борис Немцов. А что? Молодой, красивый, кудрявый. Энергичный, умный. Не все же во главе государства стоять дряхлеющим старцам. Если уж менять все основы, так менять!

По воспоминаниям самого Немцова, летом 1994 года, путешествуя с семьей по Волге и приехав в Нижний Новгород (Немцов был там тогда губернатором), Ельцин сказал на открытии нового теннисного корта (оба они и Борис Николаевич, и Борис Ефимович были заядлыми теннисистами):

«Наконец-то я вырастил себе преемника. Он у вас так Нижний Новгород отстроил, у вас такой порядок, вы так его любите (у Немцова в ту пору рейтинг был 70 процентов. — О. М.). Я могу спокойно дорабатывать, у меня преемник, он такой молодой, такой спортивный...»

Вот так начиналась ельцинская операция «Преемник»: лето, солнце, Волга, он сам, президент, еще крепкий и бод-

рый, и рядом тот, кому он как бы завещает свой престол, тридцатичетырехлетний стройный излучающий энергию парень, человек нового поколения, демократ до мозга костей.

Позже, по словам Немцова, во время их совместной поездки в Штаты, Ельцин уже вполне серьезно представил Немцова президенту Клинтону как будущего российского президента. То же самое произошло и во время визита в Германию (когда оттуда выводились наши войска): Немцов был представлен Ельциным в таком же качестве сменщика действующего российского президента канцлеру ФРГ Гельмуту Колю.

Не думаю, что у Бориса Ефимовича были реальные шансы въехать в Кремль на белом коне. Если и были, он их напроць разрушил, собрав в 1996 году миллион подписей нижегородцев против войны в Чечне и самолично доставив эти автографы к Спасским воротам Кремля (одну из папок Немцов положил прямо на стол президенту). Ельцину все это, естественно, не могло понравиться.

Ахиллесова пята генерала

В 1996-м перед первым туром президентских выборов, выступая на своей родине, в Екатеринбурге, Ельцин вновь заявил, что знает имя своего преемника, имя того, кто станет хозяином Кремля в 2000 году. Само собой разумеется, сразу же пошли толки и догадки, кто бы это мог быть. Большинство быстро склонилось к фигуре генерала Лебеда.

Убежденность, что именно Лебедь – преемник Ельцина, окрепла, когда после первого тура президент назначил его своим помощником по национальной безопасности и секретарем СБ, а Лебедь в ответ призвал своих сторонников голосовать во втором туре за Ельцина (возможно, именно эти голоса сыграли наиболее существенную роль в тогдашней победе действующего президента).

Кто знает, может быть, генерал и в самом деле стал бы преемником, обладай он качествами тонкого дипломата и изощренного чиновника, наберись он терпения на четыре межвыборных года и делай все так, как предписывает негласный карьерный кодекс. Однако таковых качеств у десантника не было, долго терпеть, вести неторопливую позиционную игру он, по-видимому, не умел. Решив, что постоянно болеющий Ельцин уже созрел, чтобы досрочно оставить свой пост, по доброй воле или без таковой, Лебедь пошел напролом, стал готовиться к перехвату эстафетной палочки. Ис-

подволей подгребал под себя рычаги власти, необходимые силовые ресурсы... По существу, готовил военный переворот.

Но команда Ельцина опередила его. Отстранение бывшего командарма от власти 17 октября 1996 года походило на арест Берии. Вот как рассказывал мне об этом Анатолий Чубайс (ему, как тогдашнему руководителю Администрации президента, в этом деле принадлежала ключевая роль):

«Это ведь легко сказать – увольнение Лебеда... Единственным силовым ресурсом, который он не контролировал и на который мы могли опереться, было возглавляемое Куликовым МВД. То была целая операция отстранения секретаря Совбеза: нам пришлось «усиливать» Кремль, в том числе БТРами, поминутно расписывать программу силовых действий с момента объявления Лебедю указа о его увольнении и до момента отключения его телефонов, замены охраны и сопровождения до кабинета...

Это было более чем серьезно. Представьте себе: секретарь Совета безопасности, у которого практически в конституционном подчинении находятся Минобороны, МВД, ФСБ... И вот вы говорите ему: «Вы уволены». Он может выйти, снять телефонную трубку прямой связи с Минобороны и произнести всего лишь несколько слов: «Значит так, Кантемировской, Таманской дивизиям немедленно выдвигаться в район Кремля...» А его приказ в этот момент еще обязателен к исполнению. Представляете, какую это несло в себе угрозу при его влиянии на силовиков и, особенно,

на части специального назначения. И при том, что он специально этим занимался, много и серьезно готовился к подобному развитию событий».

Понятно, что столь драматическое расставание Ельцина с Лебедем перечеркнуло шансы генерала сохраниться в списке людей, которых президент мог бы рассматривать как своих потенциальных преемников.

* * *

Однако, перестав быть фаворитом Ельцина, напротив, сделавшись его врагом, Лебедь, тем не менее, не расстался с мечтой о президентстве. Выбрал на этот раз неблизкий, окружной путь через Красноярск, став кандидатом на пост тамошнего губернатора (выборы должны были состояться весной 1998 года). Собственно говоря, генерал здесь снова пошел ва-банк – в случае победы он вроде бы вплотную приближался к кремлевским воротам, к кабинету российского президента, обретая серьезные шансы на выборах главы государства 2000 года. Напротив, в случае поражения на его политической карьере можно было бы поставить крест...

Для чего ему понадобился такой риск? В конце концов, он мог неспешно продолжать строительство своей политической карьеры как председатель Российской народно-республиканской партии (он стал им после отставки) или в каком-то еще качестве (приглашения на ту или иную лидер-

скую роль сыпались на него, как из рога изобилия). Лебеда еще можно было бы понять, если бы он заведомо имел явное преимущество перед основным своим соперником, действующим губернатором Красноярска, Валерием Зубовым. Но явного преимущества не имелось. По оценкам специалистов, шансы двух фаворитов были примерно равны. Все зависело от того, как сложатся обстоятельства, насколько удачно тот и другой кандидат проведет свою предвыборную кампанию.

Что же побудило генерала в очередной раз решиться сыграть в эту русскую рулетку? По-видимому, чьи-то уговоры, чье-то обещание щедрой поддержки. Можно предположить, что решающую роль сыграли обещания и посулы известного политического игрока Бориса Березовского, который стал одним из главных спонсоров предвыборной кампании Лебедя.

Среди других спонсоров указывали на Владимира Гусинского. И, как ни странно, на Владимира Потанина. Впрочем, если это соответствовало действительности, странного тут было немного: это ведь обычная манера российских банкиров – не складывать все яйца в одну корзину, оказывать материальную помощь различным кандидатам. Так, на всякий случай.

Разумеется, помогали Лебедю и всем известные алюминиевые короли – Анатолий Быков, братья Черные... Несмотря на внутренние раздоры, тут они были едины.

Денег десантнику давали не так чтобы очень помногу, но, в общем, достаточно для проведения эффективной кампании. Уже в начале ее на бывшего чеченского миротворца работало несколько вполне профессиональных команд имиджмейкеров, спичрайтеров, специалистов по выборным технологиям, в том числе прибывших из-за рубежа.

Напротив, кампания его главного соперника, Валерия Зубова, разворачивалась крайне вяло и медленно. Даже со сдачей необходимых двадцати тысяч подписей он проволынил до неприличия долго...

* * *

Казалось бы, Москва должна была сделать все, чтобы не пропустить Лебеда в губернаторы и тем самым окончательно перечеркнуть его президентские планы. Вроде бы представлялось ясным: другого такого случая не будет, больше он так не подставится. Четкое и недвусмысленное решение о поддержке действующего красноярского губернатора, мобилизация всех, какие только есть, ресурсов в помощь ему, и генерал будет повержен.

В принципе, как российский президент Лебедь был опасен не только для тогдашней чиновничьей «элиты». Это бы еще ничего. Он бы, наверное, смог поприжать коррупцию, попытаться навести порядок во власти (хотя тоже вопрос: многие ли внутри самой власти в этом были заинтересо-

ваны?) Однако для страны в целом, для ее исторического развития Лебедь в кресле президента тоже вряд ли был желательным вариантом. Начинать XXI век с очередного социального эксперимента, а генерал непременно стал бы по-крупному экспериментировать, это, пожалуй, было уже слишком.

Невооруженным глазом было видно, в чем ахиллесова пята Лебеда: как раз в том, что красноярское губернаторство для него лишь ступенька в более высокие сферы. Раскрыть это обстоятельство на полную катушку и больше ничего не требовалось. Причем осуществить такую акцию было тем легче, что это был реальный ФАКТ, а не чья-то предвыборная пропагандистская выдумка. Об уровне генеральских амбиций все знали достаточно хорошо, и сколько бы он ни говорил, что собирается обосноваться в Красноярске всерьез и надолго, только самый наивный человек поверил бы этому. Если же политик идет ко мне, избирателю, в начальники всего лишь на год-полтора, да и в этот недолгий срок голова его будет занята не моими проблемами, а чем-то совсем другим, с какой стати я стану за него голосовать?

Однако в Москве в президентской администрации царили разброд и шатание. Тогдашний тандем Юмашев – Митина, представлял собой, разумеется, совсем не то, что бывшая связка Чубайс – Казаков. Ни по политическому опыту, ни по политическим предпочтениям. К тому же всем было известно: Юмашев довольно тесно связан с Березовским, имен-

но он открыл финансисту дорогу в большую политику; отсюда распространено было мнение, что по-настоящему действовать против Березовского Юмашеву крайне сложно; он, как представлялось, вынужден, конечно, будет имитировать такие действия, но это будет именно имитация. Возможно, думалось, обещание ФАКТИЧЕСКОГО нейтралитета со стороны президентской администрации и было главным аргументом, с помощью которого Березовский сумел склонить Лебедева к участию в красноярских выборах, несмотря на очевидную крайне серьезную рискованность такого шага.

Замысел Бориса Березовского

Другой вопрос: а зачем самому Березовскому понадобилась победа Лебеда в Красноярске? Об этом можно было лишь догадываться. Как известно, Березовский был гроссмейстером политической интриги. Тогда для него было важно дать хорошего пинка московскому политическому истеблишменту, из которого формально его как бы изгнали, уволив с поста заместителя секретаря Совета безопасности. Дать пинка, вызвать смятение и переполох, грозный «разбор полетов», поиск виноватых...

В случае генеральского успеха политические акции Березовского, его востребованность на политическом Олимпе резко пошли бы вверх. Впрочем, эти акции и эта востребованность могли взмыться ввысь и до того, как результаты выборов стали бы известны, просто в предвидении возможного нежелательного для Кремля их исхода. Так что игра, которую вел Борис Абрамович, была, как в большинстве случаев, практически беспроигрышна...

В столице тогда имелись, по крайней мере, две крупные фигуры, по-настоящему незаинтересованные в том, чтобы отставной генерал одержал викторию в Сибири. Это – Черномырдин и Лужков. Причина, я думаю, ясна: в глазах обоих Лебедь представлял как потенциальный соперник на будущих президентских выборах. Однако до какого-то момента при-

знаков того, чтобы тот или другой принимали какие-то серьезные меры против восхождения Лебеда на вершину красноярской бюрократической пирамиды, тоже что-то не было заметно. Возможно, они, как многие другие, полагали, что, став красноярским губернатором, Лебедь приобретет больше проблем, чем выгод.

(В скобках, на всякий случай, замечу, что подобная точка зрения противоречила мнению большинства, выводимого из соцопросов. Так, по данным Фонда «Общественное мнение», полученным в середине февраля 1998 года, почти половина опрошенных – 49 процентов – высказывала уверенность, что если Лебедь станет губернатором Красноярского края, это увеличит его шансы на президентских выборах 2000 года; противоположного мнения держалось лишь 18 процентов).

* * *

За несколько дней до первого тура губернаторских выборов Лужков все же появился в Красноярске. Приехал, естественно, чтобы поддержать Зубова. Лучше бы он туда не ехал...

Визит московского градоначальника был обставлен в лучших советско-обкомовских традициях. График мероприятий, утвержденный избирательным штабом действующего губернатора, был расписан по минутам и прописан до мель-

чайших деталей: как составлять списки студентов и преподавателей для общения с Лужковым во время его посещения Красноярского госуниверситета, как контролировать явку этих студентов и преподавателей, как подготовить аудиторию для общения с Лужковым во время посещения им местного театра, оперы и балета, даже какие тосты в честь московского мэра произносить на приемах...

Этот документ попал в прессу и, естественно, немало всех насмешил.

Однако главное, что вызвало уже не смех, а крайнее раздражение красноярцев, сам факт, что столичный гость прибыл расхваливать их губернатора. К этому «богатому гостю» и повсюду-то в нищей российской провинции всегда испытывали неприязнь («Жирует за наш счет!»), а в Красноярске к нему имели еще и ряд особых, конкретных претензий...

В общем, как подсчитали аналитики, визит Лужкова в сибирский город принес не менее пяти добавочных про центов голосов... не Зубову, а Лебедю.

Беседа в Кремле

Все же удивительнее всего было не то, что марш-бросок генерала в Сибирь вроде бы не особенно тревожил его потенциальных конкурентов на будущих президентских выборах (небрежно подготовленная и проведенная поездка Лужкова не в счет), особенно удивляло, что никакого серьезного противодействия Лебедю, как уже говорилось, не оказывал и Кремль. Так, по крайней мере, представлялось со стороны: далеко ведь не все действия власти становятся известны широкому кругу людей, непосредственно в этих действиях не участвующих.

Обо всем об этом я написал тогда заметку в «Литературной газете», где в ту пору работал. Называлась она «Кремль совершает ошибку, собираясь уступить Лебедю Красноярск».

Заметка появилась 18 марта. А вскоре меня пригласил к себе для разговора руководитель Администрации президента Валентин Юмашев.

Валентин Борисович стал меня убеждать, что ситуация вокруг предстоящих выборов в Красноярске изложена в моей заметке не совсем правильно. На самом деле, по уверению главы Администрации, дело обстоит следующим образом. В околоскремлевских кругах действительно распространена точка зрения, что Лебедю не стоит слишком сильно проти-

водействовать, поскольку на пути в губернаторское кресло остановить его уже невозможно. Красноярские избиратели жаждут перемен и связывают их с именем бывшего секретаря СБ. Так что генерал, скорее всего, станет главой администрации тамошнего края при любых обстоятельствах.

Попытки Москвы помешать ему в этом произведут лишь обратный эффект, выставят федеральный центр в смешном свете, как это было при выборах Коржакова в Туле. Поэтому лучше всего сидеть и «не рыпаться». К тому же в Кремле, как и за его пределами, многие разделяют ту самую уже упомянутую мной точку зрения: совсем не факт, что победа в Сибири поможет бывшему десантнику одержать такую же победу в Москве в 2000 году; есть большая вероятность, что все будет наоборот: за оставшиеся до президентских выборов два года он «увязнет» в Красноярске, из политика общероссийского масштаба, занимающего 4-ю – 5-ю строчку в таблице рейтингов, превратится в одного из 89 второразрядных региональных деятелей, растворится в Совете Федерации, своей раздражающей манерой поведения настроит против себя многих коллег-губернаторов и т. д.

Однако такая точка зрения, по словам Юмашева, не является преобладающей ни в Администрации президента, ни в правительстве. (Ни в обществе, как мы видели). Так что в принципе федеральный центр предпочел бы не рисковать, вновь допуская отставного генерала на верхние этажи власти, и готов оказать главному сопернику Лебеда, нынешне-

му губернатору Валерию Зубову, любую необходимую помощь. Дело, однако, осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, как уже говорилось, слишком открытое противодействие генералу может вызвать обратный эффект. Во-вторых, сам Зубов не очень-то охотно принимает такую помощь, полагая, что он выиграет выборы и без нее (по мнению серьезных аналитиков, для подобной самоуверенности нет никаких оснований).

Так или иначе, сказал в заключение Юмашев, о том, чтобы сознательно «уступить» Лебедю Красноярск не может быть и речи.

* * *

Это разъяснение Юмашева я изложил в следующем номере «Литгазеты» 25 марта. Правда, имя Валентина Борисовича не упомянул, ибо разрешения на это у него не испрашивал, да вряд ли он и дал бы мне такое разрешение. В общем, в заметке, как обычно делается в таких случаях, была ссылка на некие близкие к Кремлю «информированные источники».

От себя я вновь повторил то же самое, что написал за неделю до этого. Всем ясно, говорилось в моей заметке, что грядущие выборы в Красноярске не обычные выборы. Их результат может оказаться важен для судеб России в целом. Отсюда повышенное внимание к ним. Лебедь на-

чал свою избирательную кампанию раньше, ведет ее гораздо более энергично, целенаправленно, изобретательно, чем Зубов. Невооруженным глазом видна также разница в уровне организационной, финансовой поддержки того и другого кандидата, в уровне их «раскрутки». В частности, бывший командарм не сходит с общероссийского телеэкрана (уж об этом-то Березовский позаботился), в то время как редкие и вялые мероприятия его главного соперника телевидением откровенно игнорируются. Где тут «сознательная» капитуляция перед генералом, а где проигрыш просто из-за недостатка воли и профессионализма, различить трудно.

Возвращаясь к выборам в Красноярске... Прогнозы сбылись: генерал действительно победил в этом городе. Хотя победа далась ему не очень легко. Для нее понадобилось два тура. В первом Лебедь набрал 45,1 процента голосов, Зубов 35,4, во втором соотношение голосов было 57,3: 38,2 в пользу генерала.

Генерал сходит с дистанции

Ну, а дальше? По данным социологов, в частности Фонда «Общественное мнение», готовность избирателей проголосовать за Лебеда на протяжении трех лет перед президентскими выборами 2000 года существенно менялась. В октябре 1996-го, после предыдущих, весьма драматических, выборов и заключения Хасавюртовского мира, непосредственно перед скандальной отставкой генерала, за него как за кандидата в президенты проголосовали бы 27 процентов опрошенных. Это был пик его популярности. В тот момент он занимал ПЕРВОЕ МЕСТО (!) среди всех возможных кандидатов. Однако через год, к ноябрю 1997-го, «президентский» рейтинг генерала снизился втрое – до 9 процентов (соответственно, он отъехал на третье место). Понятное следствие отстранения от высоких государственных должностей, снижения частоты появления на телеэкране и т. д. В апреле 1998 года Лебедь был уже на четвертом месте – 8 процентов. Далее, после победы на губернаторских выборах в Красноярске, последовал еще один пик, поменьше, – 17 процентов в сентябре 1998-го (снова подъем вверх на второе место), а затем глубокий провал, из которого Лебедь уже не сумел выбраться. В ноябре 1999-го у него было всего-навсего 3 процента (лишь восьмое место). Произошло то самое, многими предрекавшееся: рутинная, малоудачная работа в дале-

кой провинции проглотила большую часть бывшей генеральской популярности...

* * *

О том, что он не будет участвовать в президентских выборах 2000 года, Лебедь заявил еще 15 мая 1998-го за два дня до второго, решающего, тура выборов в Красноярске. Никто не воспринял это заявление особенно всерьез: в общем-то, это обычная манера политиков – «не засвечиваться» раньше времени. Собственно говоря, сразу же после победы на губернаторских выборах и сам генерал в эфире НТВ уточнил свои президентские планы и сказал, что не будет баллотироваться в президенты в 2000 году, ЕСЛИ НЕ БУДЕТ «ВОСТРЕБОВАН НАРОДОМ».

Вряд ли трехпроцентный рейтинг осени 1999-го свидетельствовал о его высокой востребованности...

Черномырдин. Дума против...

Во второй раз в ту же воду

17 августа 1998 года, вскоре после объявления дефолта, Черномырдин прервал свой отпуск в Сочи и срочно возвратился в Москву. В пресс-службе движения «Наш дом Россия», которое он тогда возглавлял, сообщили, что его лидер «планирует выступить с заявлением по поводу ситуации на финансовых рынках и мерах российского правительства и Центробанка».

Стоило ли ради этого прерывать отпуск? В конце концов, в тот момент Виктор Степанович пребывал уже в достаточном отдалении от этих дел. Всем было ясно: нет, здесь что-то другое. И, в общем, догадывались, что именно: возможно, экс-премьеру снова собираются предложить какую-то высокую должность.

Тем не менее, функционеры НДР зачем-то «секретили» истинную причину стремительного перемещения Виктора Степановича с юга на север. Владимир Рыжков, в ту пору видный эндээровец и одновременно первый вице-спикер Думы, заявил, что «вряд ли сейчас всерьез стоит вопрос о возможности назначения Черномырдина премьер-министром», однако не исключено, что с ним будут вести какие-то пере-

говоры по поводу его нового назначения и Ельцин, и Кириенко. При этом, как сказал Рыжков, вряд ли Черномырдин согласится стать первым вице-премьером или тем более просто вице-премьером: для него этой «пройденный этап».

* * *

События между тем развивались своим чередом, во вполне определенном направлении. Спустя несколько дней, 23 августа, Ельцин отправил в отставку правительство Кириенко и поручил именно Черномырдину временно, вплоть до утверждения Думой, исполнять обязанности премьера.

В общем-то, что касается Кириенко, это был вполне предсказуемый шаг. Невозможно себе представить, чтобы после экономической катастрофы, случившейся 17 августа, президент мог оставить в неприкосновенности правительство «Киндер-сюрприза», как называли тогда Кириенко. Ни один глава государства не мог бы себе такого позволить.

Было, правда, несколько странно, что на пост премьера Ельцин выдвигает человека, которого всего лишь несколько месяцев назад отстранил от этой должности. В правительстве Черномырдина возник раскол: «младореформаторы» Чубайс, Немцов (особенно он) пошли войной на главу правительства, обвиняя его в том, что он тормозит реформы, в частности, препятствует реформированию своего любимого детища – «Газпрома». Чубайс, Немцов настаивали на том,

чтобы газовая отрасль была включена в рыночные отношения, чтобы доступ к трубе получили независимые инвесторы.

Плюс к этому ухудшилась общая экономическая ситуация. Снизились цены на нефть. Чтобы выплачивать пенсии, приходилось прилагать неимоверные усилия, продавать золотой запас.

В конце концов, в марте 1998-го Ельцин принял твердое решение снять Черномырдина.

И вот август того же года. После дефолта положение вообще почти безвыходное. Ясно, что Кириенко должен уйти. Кто вместо него?

Березовский посоветовал Юмашеву двинуть на место премьера того, кто уже занимал это место, Черномырдина. Юмашев засомневался:

«Борь, по-моему, Черномырдин откажется».

«Может, откажется, а может, не откажется. Если ты считаешь, что Борис Николаевич будет готов его поддержать, давай я съезжу к Виктору Степановичу, поговорю с ним (Черномырдин в это время отдыхал где-то на Юге. – *О. М.*)».

Ельцин встретил предложение Юмашева не просто с одобрением, но, по-видимому, и с немалым облегчением. Было очевидно, что необходимость постоянно защищать неопытного Кириенко лежала на плечах президента тяжелой нагрузкой в течение всех трех месяцев премьерства Сергея Владиленовича. Тот поток проблем, который в быт-

ность премьером Черномырдина отфильтровывался и доходил до Ельцина слабым ручейком, при Кириенко обрушивался на президента почти во всей своей первозданной целостности. И то, что на политической сцене рядом, бок о бок с ним, снова может появиться старый товарищ, старый друг, не могло не радовать Ельцина.

Получив добро от президента, Юмашев поговорил с губернаторами, с олигархами, со всеми, с кем принято тогда было в таких случаях держать совет. При этом, естественно, речь шла о Черномырдине не просто как о премьере, но и с высокой вероятностью как о будущем президенте. В общем-то, большинство собеседников Юмашева кандидатуру Черномырдина одобрило. Анатолий Чубайс, который долго работал с ЧВСом, и у которого отношения с ним не всегда были безоблачными, тем не менее, сказал, что если Черномырдин станет президентом и к нему «приставят» нормального премьера, демократа и рыночника, никаких проблем вообще не возникнет: начатое Ельциным движение страны к демократии, свободе, рынку продолжится.

Помимо прочего, согласие «элит» с кандидатурой Черномырдина давало немалую гарантию, что при соперничестве с прочими кандидатами на президентских выборах (пока еще не очень ясно было, кто именно будет здесь главным конкурентом) ЧВС одержит верх.

Сам Черномырдин встретил предложение Юмашева с ра-

достью, заверил, что, вернувшись на прежнее место, он справится с ситуацией.

* * *

И вот Ельцин решился и вновь назначил недавно снятого премьера исполняющим обязанности председателя правительства.

В обращении к россиянам 24 августа Ельцин заявил вполне определенно: «главное соображение» при назначении Виктора Черномырдина исполняющим обязанности главы правительства – «обеспечить преемственность власти в 2000 году».

«Главные достоинства Виктора Степановича, – сказал Ельцин, – порядочность, честность, основательность. Думаю, эти качества будут решающим аргументом на предстоящих президентских выборах. Его не испортили ни власть, ни отставка...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.